

Фойгт Георг

**Возрождение классической
древности, или Первый век
гуманизма**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г36

Г36 **Георг Ф.**
Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма: Том 2 / Фойгт Георг –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 496 с.

ISBN 978-5-521-28461-0

ISBN 978-5-521-28461-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНИГА ПЯТАЯ.

Гуманизмъ при папскомъ дворѣ. Эпоха Николая V. Занятія гелленизмомъ.

Церковь во все время сознавала, что она есть созданіе духа и что авторитетъ ея зиждется на духовныхъ силахъ. Поэтому она считала мощное слово своимъ прямымъ орудіемъ для борьбы съ противниками. Чтобы защищать вѣру, назидать и проповѣдывать, уже отцы Церкви не пренебрегали и искусствами, заимствованными у язычниковъ, краснорѣчіемъ и реторикою. Задачею воинствующей церкви всегда было—имѣть въ своей власти самое могучее слово. Великіе папы іерархической эпохи сами искусно владѣли рѣчью, духовенство и монахи писали полемическія сочиненія, наконецъ міряне, хорошо владѣвшіе слогомъ, привлекались къ дѣятельности при папскомъ дворѣ. Если Петръ де Винеа, какъ ловкій риторъ, состоялъ на службѣ у императора изъ дома Гогенштауфеновъ, то противники его, папы, старались заручиться подобными же силами и отстаивать свою политику орудіемъ слова. Къ тому же они поддерживали старинную славу папской канцеляріи, которая всегда считалась лучшею въ свѣтѣ, даже образцовою. Уже въ письмахъ великихъ папъ Иннокентіевъ господствуетъ изящная латынь и рѣчь, болѣе правильная въ грамматическомъ отношеніи. Римскій дворъ долженъ былъ поддерживать свою репутацію разсадника и школы хорошаго церковнаго языка ¹⁾).

Но неизбежно должны были обнаружиться другія послѣдствія этого стремленія, когда римская церковь пріобщила, въ качествѣ сотрудниковъ, къ своимъ богословамъ и канонистамъ также поклонниковъ вновь воз-

¹⁾ Delisle въ *Bibliothèque de l'école des chartes* Sér. IV T. IV, Paris 1858 p. 30.

рожденной древности. Въ большинствѣ случаевъ они были и остались полуязычниками, служили церкви и получали отъ нея содержаніе, но сердце ихъ не лежало къ ней. Здѣсь они должны были составлять не просто только украшеніе, какъ при дворахъ разныхъ государей и владѣтельныхъ особъ: здѣсь ихъ образъ мыслей, всегда свободный по религіознымъ вопросамъ, проникалъ какъ ядъ въ самый организмъ церкви. Но, какъ мы увидимъ, съ одной стороны настоящая потребность вести борьбу, а съ другой безпечность римскаго двора заставили его привлечь къ себѣ этихъ модныхъ язычниковъ и посвятить въ свои тайны. Наконецъ гуманизмъ побѣдоносно занялъ папскій престолъ въ лицѣ духовныхъ особъ, которыя предавались усерднѣе новымъ наукамъ, чѣмъ дѣлу церкви.

Междоусобныя войны въ церкви, великій расколъ и соборы по вопросамъ о преобразованіи духовенства повели главнымъ образомъ къ тому, что новымъ бойцамъ и героямъ слова открытъ былъ доступъ къ римскому двору. Парижскіе доктора и магистры, а вскорѣ и представители схоластической мудрости во всѣхъ университетахъ приняли живое участіе въ церковной борьбѣ, сдѣлались рѣшителями несогласій и судьями. Съ этихъ поръ и папамъ нужны были новые ратоборцы, и они были не особенно добросовѣстны и осторожны въ выборѣ ихъ. Это эпоха появленія цѣлой литературы памфлетовъ и полемическихъ сочиненій, и языкъ ихъ становится общедоступнѣе, полемическій тонъ оживленнѣе и язвительнѣе. Тутъ были нужны люди, которые бы занимались писаніемъ ругательныхъ инвективъ какъ особымъ искусствомъ.

У папъ было простое средство пристроить гуманиста при своемъ дворѣ. Ему давали должность писца (*scriptorium*), или секретаря въ канцеляріи или въ аббревиатурѣ. Хотя всѣ должности по своему характеру были непрочны, зависѣли отъ милости папы или кардинала вице-канцлера, однако пожизненность ихъ стала обычаемъ. Онѣ считались прочными мѣстами, и ихъ нужно было покупать. Мѣсто секретаря стоило около 700 гульденовъ. Мѣсто писца (*scriptor*), которое, конечно, было гораздо ниже, но за то считалось прочнѣе, стоило около 1000 гульденовъ. Въ случаѣ преклонной старости папы или его болѣзни, во время войны или бѣдствій церкви цѣна на эти мѣста падала, но при новой переменѣ условій снова поднималась. Однако большая часть секретарей нѣсколько лѣтъ занимались каноническимъ правомъ, и обыкновенно только такіе и достигали высшаго положенія протонотаріевъ. Вообще служащіе въ канцеляріи не были равны между собою. Простой переписчикъ, который обыкновенно только заготовлялъ бумаги по готовымъ формамъ, всю жизнь оставался второстепеннымъ чиновникомъ и получалъ скудное содержаніе. Напротивъ, человекъ, пользовавшійся милостями, ловкій и старательный, которому довѣрялись болѣе серьезныя

дѣла, который писали письма къ государямъ и прелатамъ, сочинялъ полемическія статьи, нерѣдко достигалъ высокаго и вліятельнаго положенія. Сверхъ того ему представлялось множество случаевъ пользоваться дозволенными и секретными посторонними доходами. Секретарь легко становился человѣкомъ зажиточнымъ, или по крайней мѣрѣ обезпеченнымъ и хорошо содержалъ свою семью. Если онъ рѣшался вступить въ духовное званіе, то ему открывалась легкая возможность получать лучшія мѣста, даже высшія церковныя должности. По своей профессіи онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ кардиналами и епископами; его рабочая комната была въ папскомъ дворцѣ. Офисною онъ бесѣдовалъ лично въ извѣстные дни, поэтому легко становился близкимъ человѣкомъ и довѣреннымъ лицомъ своего повелителя. Не одинъ кардиналъ началъ свое положеніе скромною долею писца въ папской канцеляріи¹⁾. Гуманисты поступали въ папскую канцелярію съ равными цѣлями. Большая часть ихъ, конечно, искала содержанія, потому что довольно трудно было найти выгодную сферу дѣятельности для своихъ талантовъ. Если они женились, это ихъ привязывало къ ихъ должности, и они старались извлечь изъ нея возможные выгоды. Если рѣшались принять посвященіе, то церковь содержала ихъ гораздо лучше, а для ихъ честолюбія открывалась перспектива возвышенія. Но этотъ путь избирали лишь немногіе, въ большинствѣ же случаевъ гуманисты питали отвращеніе къ духовному званію, хотя имъ приходилось довольствоваться конкубинами. Они вполне овыкались съ дѣлами и переносили всякія невзгоды, лишь бы заработать побольше денегъ и современемъ удалиться на покой. Другіе брали на себя лишь нѣкоторыя дѣла, часто отлучались въ отпускъ, или жили при дворѣ какъ люди свободные, конечно, въ ущербъ своей выслугѣ, которая всегда цѣнилась мѣрою труда. Были даже почетные секретари, которые только носили этотъ титулъ, а сами жили во Флоренціи или въ другихъ мѣстахъ. Ихъ рѣдко удовлетворяла эта должность: они чувствовали въ себѣ призваніе къ высшимъ трудамъ, а не къ изученію дѣлъ и дѣловыхъ формъ. Они всегда готовы были предпочесть независимое положеніе придворнаго поэта или по крайней мѣрѣ вліятельнаго государственнаго

¹⁾ Есть нѣкоторые данныя по вопросу объ officialномъ положеніи секретарей въ полемическомъ сочиненіи Якова Волатерранца въ *Analecta litt.* vol. I, Romae 1772, p. 122. 124. Но напрасно стали бы мы искать свѣдѣній объ этомъ у Bonamicus de claris pontificiarum epistolarum scriptoribus, edit. alt. Romae 1770. И свѣдѣнія о лицахъ собраны только изъ печатной литературы; они неполны и нельзя ручаться за ихъ достоверность. Нѣкоторые данныя извлечены изъ ватиканскихъ регестъ *manuscriptorum Marini degli archiatri pontifici*; 2 voll. Roma 1784. Какъ легко можно бы было пополнить и расширить эти свѣдѣнія въ Римѣ.

канцлера. Должность писца гуманисты во всякомъ случаѣ занимали лишь изъ крайности; она не явилась папъ, которые, подобно свѣтскимъ владѣтельнымъ меценатамъ, требовали немногаго отъ ученыхъ секретарей, но за то щедро награждали ихъ за ихъ литературные труды. Сочли, что разные папы не менѣе пяти разъ предлагали Петраркѣ должность секретаря, и могли бы послѣ этого казаться, что они придавали большое значеніе услугамъ прославленнаго писателя. Но, насколько мы знаемъ, секретарство и труды, съ нимъ связанные, постоянно предлагались ему тогда, когда онъ искалъ новыхъ бенефицій при авиньонскомъ дворѣ. Такое положеніе, которое заставляло его неотлучно жить въ городѣ, казалось ему рабствомъ. Къ тому же при испытаніи его дѣловаго слога, которому онъ подвергся въ 1352 г., оказалось, что его возвышенная, философская рѣчь не годится для канцеляріи. Однако Петрарку глубоко оскорбилъ упрекъ кардинала Талейрана, что онъ не умѣетъ писать ясно, вразумительно для каждаго читающаго, хотя прелать сказать это по дружески. Это тѣмъ болѣе было обидно, что и папа Климентъ VI указывалъ на тѣ же недостатки его слога. Поэтъ объявилъ, что для него унизительно писать «пошлыми» слогомъ законниковъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно отзывался съ пренебреженіемъ о должностяхъ при папскомъ дворѣ и пожималъ плечами, глядя на стадо людей, называемыхъ папскими писцами, про которыхъ мы знаемъ, что они скорѣе усердные труженики, чѣмъ люди даровитые. Онъ даже видѣлъ особое право на славу въ томъ, что отклонилъ отъ себя должность, ведущую къ обогащенію, и остался вѣрнъ своему стремленію къ «честной бѣдности». Петрарка даже отказался бы, по его словамъ, и отъ епископской катедры, потому что ставить свободу выше всякихъ сокровищъ. По обыкновенію своему Боккаччо, какъ вѣрный оруженосецъ, держался того же взгляда и пренебрегалъ должностями у папы, какъ рабствомъ ¹⁾.

Всѣ первые гуманисты, получившіе приглашеніе отъ римскаго двора, даже авиньонскаго, были тосканцы по происхожденію, флорентинцы по образованію. Это не случайность. Старинная слава флорентинскихъ нотаріальныхъ школъ стала еще громче съ тѣхъ поръ, какъ Флоренцію признали вмѣстѣ и средоточіемъ лучшаго и возвышеннаго латинскаго языка. Вообще же говоря, и тосканецъ далеко не охотно покидалъ кругъ образованныхъ друзей своей родины.

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XIII, 4. 5. XIV, 1. 2. XX, 14. epist. var. 55. epist. var. epist. rer. 55. senil. I, 1. 2. 3. XV, 6. (Opp. p. 1058). Apologia contra anonymi Galli calumnias: mihi qui episcopatum nolo quique eum gradum, saepe olim mihi non oblatum modo, sed ingesum semper recusavi, praeferens cunctis opibus libertatem etc.—Boccaccio Lettere p. 147.

Первый истинный гуманистъ, поступившій секретаремъ въ папскому двору, даже, по видимому, лекцiйшій этой должности былъ Заноби да Страда. Онъ, какъ мы помнимъ, когда-то по совету Петрарки бросилъ рабскую долю учителя въ латинской школѣ во Флоренціи и искалъ въ Неаполѣ независимаго положенія придворнаго поэта, въ качествѣ придворнаго и секретаря у Анчіайоли. Какъ онъ ни льстилъ послѣднему, однако, по видимому, ему пришлось вести жалкую жизнь въ Неаполѣ. Въ концѣ 1358 г. или въ началѣ 1359 г. папа Иннокентій VI назначилъ его протонотаріемъ и секретаремъ по отдѣлу разрѣшеній. Конечно, Петрарка смотрѣлъ на это какъ на повышеніе, но бранилъ своего поклонника за то, что онъ, изъ за постыдныхъ богатствъ и почестей, отказался отъ свободнаго научнаго труда и домогался должности при вавилонскомъ дворѣ. Наставникъ даже совѣтовалъ ему опять отказаться и снова стать на путь высшей славы¹⁾. Заноби, отрекшись отъ поэтическихъ плановъ, совѣмъ отдался должностнымъ занятіямъ и скопилъ такіа богатства, о какихъ прежде и не помышлялъ. Онъ былъ назначенъ папскимъ канцеляромъ и имѣлъ возможность доставить своему брату Андрею мѣсто пріора во Флоренціи. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ муза его умолкла. Письма его въ прозѣ и стихахъ, о которыхъ съ похвалою отзывается Филельфо, конечно, относятся еще ко времени его жизни во Флоренціи. Переводы одного отдѣла нравственныхъ сочиненій св. Григорія и его толкованій на книгу Іова на народный языкъ, вѣроятно, сдѣланы имъ въ Неаполѣ. Но все это, должно быть, утрачено по небрежности его наслѣдниковъ. До насъ дошло развѣ немногое, кромѣ грамотъ за цѣлый годъ, которыя онъ писалъ отъ имени римскаго первосвященника. Почти всѣ онѣ имѣютъ важное политическое значеніе, написаны отличнымъ слогомъ, хотя и дѣловымъ, подчасъ снабжены высокопарными воззваніями. Однако на нихъ уже ясно отпечатлѣлось влияніе новой школы, которая такимъ образомъ получаетъ право гражданства въ папской канцеляріи. Но смерть похитила секретаря, увѣнчаннаго поэтическими лаврами, въ 49-мъ г. жизни²⁾.

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XX, 14 отъ 9 февраля (1359), epist. rer. senil. VI, 5. 6 (которыя указаны у Фракассети надлежащее мѣсто и они отнесены къ 1359 г.).

²⁾ Ср. томъ I стр. 153, 154, 416—418. Boccaccio Lettere p. 189. Philippi Villani libes de civ. Florent. fam. civibus ed. Galletti p. 16. Книжка Zanobi da Strada. Notizie storiche raccolte dal P. S. M. C. P. Firenze 1878 есть сводъ самыхъ обычныхъ извѣстій. Registrum literarum apost. Innocentii papae sexti—anno sui pontificatus nono editarum et compilatarum per magistrum Zanobium, 260 папскихъ посланій отъ 5 января до 29 декабря 1361 г., у Martene et Durand Thesaurus novus anecdotorum, Lutet. Paris. 1717, p. 843 seq. Здѣсь есть также на стр. 891 грамота относительно брата секретаря. Сохраненію этихъ писемъ мы, быть можетъ, обязаны Анчіайоли, который послѣ его смерти хлопоталъ объ

Папа Урбанъ М. пригласилъ въ Авиньонъ въ 1365 г. въ секретари друга друга Петрарки, Франческо Барунди, который прежде преподавалъ реторику во Флоренции. Петрарка не разъ писалъ къ нему и охотно пользовался его услугами при попоны за бенефиціями. Въ то время Барунди велъ оживленную переписку съ Салютато. Хотя мы и не знаемъ никакихъ сочиненій его, однако онъ, по видимому, вполне принадлежалъ къ гуманистическимъ кружкамъ. Онъ служилъ нѣсколько кимъ канцелярии и состарился при римскомъ дворѣ, но жаловался на тяжесть труда и на малое вознагражденіе).

Такъ точно и Салютато прослужилъ нѣсколько времени при римскомъ дворѣ раньше, чѣмъ приглашенъ былъ занять почетную должность во Флоренцію. Но мы уже выше говорили о томъ, что въ Авиньонѣ онъ совсѣмъ не могъ ужиться, а въ Римѣ тоже пробылъ недолго ²⁾. Для такого стойкаго человѣка жизнь при папскомъ дворѣ была невыносима. Въ то же время онъ—послѣдній изъ гуманистовъ, служившій еще въ Авиньонѣ. Въ Италиі у нихъ все-таки была родина, Римъ—классическая почва для ихъ любимыхъ идей, и сочувственно относились они только къ римскимъ папамъ. При римскомъ дворѣ гуманисты собираются съ начала XV вѣка въ болыишемъ числѣ, и многіе изъ нихъ находятъ въ этой службѣ свое призваніе.

Поджіо былъ первый изъ нихъ, и ни одинъ изъ его ученихъ современниковъ не прослужилъ столько лѣтъ при римскомъ дворѣ, или по крайней мѣрѣ, въ сношеніяхъ съ нимъ. Онъ оставилъ его въ 1453 г. послѣ полулѣтняго служенія, хотя съ нѣкоторыми перерывами. А десятилѣтіемъ раньше при немъ умерло больше пятидесяти кардиналовъ ³⁾. Поэтому Поджіо могъ назвать себя старшимъ придворнымъ, ветераномъ куріи. Столько видѣлъ онъ переворотовъ въ церковной, такія превратности въ судьбѣ папъ во время раскола и собор-

ихъ расстрѣ. См. Tanfani Nicc. Addattoli p. 201. Тамъ могло случиться, что у Theiner Cod. dipl. dominii item. S. Ledis T. II, не приведено ни одного документа изъ этотъ годъ первосвященства. M. (magister) de Strata, который по Amati въ Archivio stor. Ital. Ser. III T. III p. I скрѣпляетъ регистры Григорія XII (1406—1409), конечно, уже не Заноби.

1) Въ документѣ отъ 1го сентября 1365 г. у Hortis G. Boesaci ambasciatore, Avignone, (Trieste 1875, p. 55) онъ является въ вѣсть съ Воккаціо флорентинскимъ посланникомъ къ папѣ. Здѣсь онъ называется еще канцелярикомъ, а не секретаремъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при опредѣленіи времени писемъ Петрарки. О его положеніи во Флоренціи ср. Тома Гесп. 315; Salutati Epist. ed. Mehner Praef. p. XXIII: здѣсь онъ въ письмѣ Салютато отъ 14 апрѣля 1380 г. является старикомъ. Другое его письмъ къ нему отъ 1371 г. ibid. epist. 61, также у Baluzius Miscell. IV p. 611.

2) Тамъ же стр. 182. Тамъ же стр. 182.

3) Тамъ говорить онъ въ своей Oratio in funere cardinalis (S. Crucis ad. fin. (Opp. p. 269).

ровъ. Однако сердце его никогда не лежало ни къ церкви, ни къ одному изъ папъ. Секретарю смотрѣть на римскій дворъ какъ на доходную статью, а свою настоящую родину считать Флоренцію. Поэтому его положение въ Римѣ было исключительное. Тутъ проявляются другія черты характера этого многосторонняго человека, достойнаго вниманія, которыхъ поэтому мы раньше и не касались.

Проведши юность въ бѣдности и лишенияхъ, пользуясь благосклонностью Салютато и Никколи, Поджіо устроился въ Римѣ 23-хъ лѣтъ отъ роду. Съ этого начиналъ свое поприще не одинъ бѣдный литераторъ. Онъ былъ домашнимъ секретаремъ кардинала Ландульфо Марамальдо, архіепископа барійскаго. Положение это было, вѣроятно, не блестящее, такъ какъ предать не было признанъ кардиналомъ, да и на архіепископскую кафедру явились соперники. Но чрезъ нѣсколько времени счастіе улыбнулось молодому человеку: по рекомендаціи одного придворнаго, дружнаго съ Салютато, папа Бенедиктъ IX. назначилъ его писцомъ (scriptor), должность выгодная и для его лѣтъ весьма почтенная¹⁾. Это мѣсто было постоянное, и Поджіо занималъ его при восьми папахъ, хотя не всегда завѣдывалъ дѣлами²⁾. Къ этому присоединялись небольшія побочныя должности. При Иоаннѣ XXIII онъ называется тоже писцомъ, потомъ одинъ изъ папъ далъ ему еще право на адвокатуру³⁾.

Черезъ десять лѣтъ усердной работы, когда константиная буяя пролила всему прежнему папству, когда Иоаннъ XXIII лишился всего, когда дѣла и доходы, сильно разстроившіеся уже во время раскола, совсѣмъ остановились, нависла и счастливая завѣда. Поджіо тотова

1) С. 100. 2) С. 100. 3) С. 100.

1) Самъ Поджіо говорить въ надгробной рѣчи Бруни въ его *Epist. res. Meh. p. CXX*, что онъ пріѣхалъ въ Римъ въ первосвященство Бонифация IX. и paulo post quam accesserant scribere scriptor, anno post (послѣ пріѣзда?) Бонифаций умеръ († 1 октября 1404 г.). Стало быть, онъ пріѣхалъ осенью 1403 г. Съ этимъ согласно то, что барійскій кардиналъ велѣлъ Поджіо написать письмо къ Мазо деази Адбизичи, на котораго послѣдній отвѣчалъ 5 февраля 1404 г. (stilo, continui). Этотъ отвѣтъ въ *Commissiōni di Rinaldo degli Albizzi ed Guasti vol. I p. 66*. Однако Поджіо былъ назначенъ чиновникомъ между февралемъ и 1 октября 1404 г., или по крайней мѣрѣ немного раньше. Салютато поздравляетъ его 23 декабря (1404 г.) Оба его письма у *Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II. Append. num. III. V*, а къ Поджіо въ *Salutati Epistol. ed. Rigacci. Pt. I. epist. 76. M. Marini vol. II p. 127* не написаны въ настоящихъ редкостяхъ другихъ данныхъ о первомъ назначеніи Поджіо.

2) Онъ отказался отъ него по *Marini l. c. 15* мая 1453, стало быть, незадолго до своего отъѣзда во Флоренцію.

3) *Marini l. c.* Благодарственную рѣчь, quod in advocacionis officio a pontifice adscriptus fuerit, упоминаютъ *Saxius p. 127* и *Bandini Catal. cod. lat. bibl. Laurent. T. III p. 498*. А въ доажности in penitenzieria (исправительный домъ), по видимому, отъносится *Poggius epist. II. 2. m. XII, 27*, гдѣ онъ сообщаетъ Бальдесту, что онъ былъ въ должности при четырехъ папахъ.

была закатиться. Какъ ни плодотворно воспользовался онъ своимъ досугомъ въ Констанцѣ, однако думалъ уже переменить карьеру. Онъ надѣялся устроиться въ Англію; но, какъ оказалось, обманулъ въ своихъ ожиданіяхъ. Поджіо слышалъ правда, что Мартинъ V, папа, выбранный въ Констанцѣ, противъ ожиданія возвратился въ Римъ. Но ему въ то же время писали, что многіе чиновники оставятъ службу при римскомъ дворѣ, потому что она даетъ очень плохой доходъ. Священникомъ ему не хотѣлось быть, а другаго ничего не имѣлось въ виду. Профессорское мѣсто во Флоренціи съ жалованьемъ по 600 гульденовъ въ годъ было ему по душѣ, но чрезъ ходатайство Никколи его нельзя было получить—можетъ быть потому, что Поджіо не годился въ преемники Гварино: слабо зналъ греческій языкъ. Оставалось одно—опять воротиться къ прежней должности «и опять зарабатывать пропитаніе письменною работою». Благодаря кардиналу Риччи, открывалась возможность получить мѣсто секретаря. Но какъ оно ни было почетно, все таки это не была желанная «свобода», а напротивъ «начало новаго рабства». Приходилось рѣшиться и на это. Въ февралѣ 1423 г. онъ былъ снова въ Римѣ, а въ маѣ ему безъ всякихъ околичностей поручена была должность секретаря. Папа принялъ его милостиво и давалъ блистательныя обѣщанія. Поджіо опять наложилъ на себя прежнее бремя. Его доходы, конечно, связанные съ исправленіемъ двухъ должностей, стали обильнѣе, такъ какъ папскій престолъ утвердился прочно при строгомъ управленіи папы изъ фамиліи Колонны. Онъ однако все еще мечталъ современемъ сбросить съ себя это бремя, когда купить домъ, садъ, виноградники, и будетъ имѣть средства для безбѣднаго существованія. Но Поджіо не хотѣлъ взять на себя новой работы, прибавившейся со смертью его товарища Бартоломмео да Монтепульчано, хотя этимъ путемъ могъ скорѣе обогатиться. Такимъ образомъ, ему пришлось еще много лѣтъ исправлять двѣ должности, и его считали не только человѣкомъ зажиточнымъ, а прямо богачемъ ¹⁾.

Съ восшествіемъ на папскій престолъ Евгенія IV и съ открытіемъ базельскаго собора положеніе римскаго первосвященника снова оказалось шаткимъ. Но папа, прогнанный изъ Рима, все таки остался въ Италіи. Поджіо было лестно слѣдовать за нимъ и во Флоренцію. Онъ женился и нашелъ новое счастье въ семейной жизни. Конечно, секретарь жаловался, что его не цѣнятъ и не награждаютъ такъ, какъ бы слѣдовало награждать такого опытнаго литератора и за-

1) Poggius epist. I, 11. 17. 22. II, 1. 2. 3. III, 22, 39. Веспассіано ошибается, говоря, что сначала онъ былъ секретаремъ, потомъ писцомъ: *in modo che con queste dua dignità tenne omsta e laudobib vita.*

служеннаго придворнаго. Но онъ легко могъ обойтись и безъ службы ¹⁾. На дѣло о преобразованіяхъ, задуманное на бавельскомъ соборѣ, онъ смотрѣлъ неодобрительно. Но споръ этотъ далъ ему случай выказать свои дарованія. Папы весьма желали имѣть столь находчиваго и искуснаго писателя, какъ онъ, владѣвшаго такимъ бойкимъ слогомъ, умѣвшаго такъ очернить и осмѣять. Поджіо былъ всего менѣе фанатическій сторонникъ церкви, но до мозга костей папскій придворный, жившій доходами отъ куріи, обогатившійся благодаря ей. Поэтому онъ отстаивалъ ея дѣло, даже съ личнымъ озлобленіемъ.

У насъ нѣтъ полемическаго сочиненія, написаннаго Поджіо противъ бавельскаго собора по порученію папы. Его строгая набожность, по его словамъ, заставила его нѣсколько смягчить бранчивый тонъ. Но мы можемъ читать инвективу, направленную противъ папы Феликса V, возведеннаго на престолъ соборомъ, хотя не знаемъ, первая ли это ея редакція, въ какой она была составлена вскорѣ послѣ избранія антипапы, или смягченная, которая еще разъ была обработана послѣ восшествія на престолъ папы Николая V ²⁾. Богословскихъ и каноническихъ трактатовъ противъ собора и его папы было достаточно, и Поджіо не прибавилъ къ нимъ своего. Онъ написалъ инвективу, т. е. документъ позорящій и ругательный. Не разъузнавъ хорошенько положенія дѣла ³⁾, онъ ограничился бранчивыми возгласами, но въ этомъ отношеніи превзошелъ все, что было писано въ полемическомъ духѣ за соборъ и противъ собора. Папу Феликса авторъ называлъ кровожаднымъ волкомъ въ овечьей шкурѣ, золотымъ тельцомъ, воздвигнутымъ на поруганіе вѣры снопищемъ людей пропащихъ, подобныхъ ему, вторымъ Магометомъ, который вводитъ новую, неслыханную, гнусную ересь, гадкимъ чудовищемъ, сыномъ сатаны, прожорливымъ дракономъ и т. д. Отцы собора называются отступниками, развратниками, кровосмѣсителями, грабителями, мошенниками, святотатцами, врагами Бога и высшихъ властей, сборищемъ преступныхъ и закоренѣлыхъ фарисеевъ, а ихъ постановленія—рѣшеніями пьяницъ и полоумнымъ бредомъ.—И въ надгробной рѣчи въ честь кардинала

¹⁾ Epist. VII, 11 отъ 28 апрѣля (1438 г.): Jam eo in statu sum, ut etiamsi quaestus spes. desit, mihi et meis satis sit ad id quod superest vital.

²⁾ Poggius epist. VIII, 15 посылаетъ архіепископу миланскому отъ 24 февраля (1440 г.) копію двугумъ epistolarum quas nomine pontificis scripsi contra Basilienses et idolum illud (папа Феликсъ), въ IX, 20 онъ пишетъ врачу Пьеру Томази, что издалъ super orationem contra Infelicem, а письмо это отъ 11 ноября 1417 г. Инвектива напечатана въ Opp. p. 155 seq.

³⁾ На нѣкоторые очевидныя ошибки въ немъ я указалъ въ моемъ сочиненіи Aeneas Sylvio Bd. I s. 172 note 2.

Джуліано Чезарини, написанной въ 1444 г., который нѣсколько лѣтъ былъ преподавателемъ и духовнымъ главою базельскаго собора, онъ далъ волю своему влеченію. А въ панегирикъ кардиналу вовсе не хотати вставить инвективу противъ отцовъ базельскаго собора, въ которой называетъ ихъ волокитами, обжорами, пьяницами, а соборъ — хоромъ ночныхъ совѣ. Съ удивительною находчивостью изливаетъ онъ цѣлый потокъ подобныхъ ругательствъ ¹⁾.

Часы досуга Поджіо умѣлъ проводить инымъ образомъ. Въ это время онъ съ такимъ другомъ, какъ Антоніо Лоски, бродилъ по развалинамъ вѣчнаго города, удивляясь ихъ величавости, скорби о постепенномъ ихъ истребленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ доискиваясь и значенія ихъ. Глубокое чувство, съ которымъ размышлялъ и мечталъ надъ ними Петрарка, соединялось съ желаніемъ изучать ихъ, воодушевлявшимъ Колу и Чиріано. Ему помогала въ этомъ случаѣ его образованная опытность, удача на открытія, долгое пребываніе въ городѣ и теплое участіе образованныхъ друзей. Когда въ Римъ пріѣзжали художники, Брунеллеско, Донателло и Гиберти, желая измѣрить и срисовать древній циркъ, термы, храмы и базилики, разыскивать статуи, медали и камни, то Поджіо, безъ сомнѣнія, былъ ихъ проводникомъ, помощникомъ и истолкователемъ ²⁾. Онъ уже освоился съ Римомъ, сжилъ съ нимъ, былъ хорошо знакомъ съ его исторіею и питалъ уваженіе ко всякой древности, гдѣ только видѣлъ слѣды ея. Когда-то онъ разыскивалъ въ сокровенныхъ мѣстахъ древнихъ римскихъ писателей и и пріобщалъ ихъ какъ новыхъ свидѣтелей древняго Рима. Теперь о томъ же говорили и свидѣтельствовали ему и эти разрушающіеся храмы, гамлерей, термы, театры, водопроводы, ворота, дворцы и триумфальныя арки. Онъ старался разгадать ихъ назначеніе по надписямъ, сохранившимся на нихъ. Въ умѣ его возникалъ обильный міръ идей, когда онъ сидѣлъ на мраморномъ обломѣ тарпейскаго укрѣпленія, среди разрушенныхъ колоннъ, и смотрѣлъ на Капитолій, нѣкогда воспѣтый Виргиліемъ. Теперь онъ поросъ травою и терніемъ, и Поджіо представлялъ себѣ, что когда-то чувствовалъ Гай Марій, сидя на развалинахъ Кареагена. Громадный Римъ, лежащій у ногъ его, казался ему какъ бы тлѣющимъ трупомъ исполина, властитель вселенной — обреченнымъ на жалкое рабство. Онъ коротко ознакомился съ развалинами; онъ нераздѣльно слился съ его изслѣдованіями древностей. Поджіо говорить про себя, что хотя онъ съ юныхъ лѣтъ жилъ въ Римѣ, однако къ его удивленію каждый день все ему представляется новымъ, и онъ

¹⁾ Oratio in funere Juliani de Caesarinis § 7, 8 въ Specul. Román. T. X. p. 378 seq. Также въ сочиненіи de variet. fortunae lib. III. p. 199.

²⁾ Eug. Müntz въ Revue archéol. 1879 p. 49. 50. Ambros. Travers. Epist. VII, 12.